

Вэй Циншань смягчил голос: “Линь Юй, посмотри на меня. Смотри на меня”.

Он пристально всматривался в глаза Линь Юя: “Я верю тебе. Я не злюсь. Я злюсь только из-за того, что тебя обидели, а меня не было рядом. Ты мой фулан и я всегда буду тебя защищать”.

Линь Юй моргнул и крупная слеза снова скатилась по его щеке:

“П-правда?”

“Правда”.

Сказав это, Вэй Циншань наклонился и поцеловал его в губы. Глаза Линь Юя широко распахнулись, он замер от неожиданности, а затем, всхлипнув, совсем забыл, что плакал.

Убедившись, что супруг перестал плакать, Вэй Циншань наконец успокоился: “Пойдем домой. Помоги мне нести мясо, а то у меня руки заняты и я не могу держать за руку своего маленького фулана”.

Он поднял с земли вещи, а Линь Юй, все ещё в оцепенении, послушно взял у него мясо и фрукты.

Теперь одна рука Вэй Циншаня была свободна: одной он нес клетку с фазанами, а другой держал за руку своего ошеломленного маленького фулана, ведя его домой.

Всю дорогу Линь Юй не поднимал головы, позволяя Вэй Циншаню вести себя. Мысли его были заняты только что произошедшим. Вэй Циншань верит ему. Вэй Циншань поцеловал его. Страх постепенно улетучился и в голове остался только этот легкий, нежный поцелуй.

Спустя много лет, одной ночью, Линь Юй снова вспомнит этот день: “Циншань, ты знаешь... если бы тогда ты мне не поверил, я бы ушёл к своей матери. Я так боялся... боялся, что ты меня отвергнешь... боялся, что мне придется вернуться в дом Чжао”.

В то время как Вэй Циншань утешил своего супруга и увел его, в доме Чжао началась настоящая паника.

Цай Чуньхуа, лишившись двух фазанов и мяса, пришла в такую ярость, что упала в обморок. А Чжао Дачжи всё ещё барахтался в бочке с водой.

Хотя на улице уже потеплело, его халат был тонким, с легкой подкладкой из хлопка. Выбравшись из воды, он дрожал так сильно, что губы стали синими. Обессиленный, он тяжело дышал, растянувшись на земле в мокрой одежде.

Чжао Чжунь метался глазами от одного к другому, а затем решил первым делом помочь своему “учёному” сыну:

“Дачжи, Дачжи!”

Чжао Чжунь не мог поднять Чжао Дачжи в одиночку, поэтому просто втащил его в дом:

“Юэнян, Юэнян! Быстрее разжигай огонь и кипяти воду!”

Чжао Юэнян поспешила на кухню. Чжао Чжунь боялся, что мокрая одежда сына испортит постель, поэтому затащил его в главную комнату и начал стаскивать с него одежду. Чжао Дачжи трясся от холода.

“Сынок, потерпи еще немного, скоро твоя сестра принесет горячую воду, и тогда ты сможешь лечь в постель”.

Так он и сидел в зале, дрожа, пока Чжао Чжунь вернулся за второй “жертвой”, всё ещё лежавшей во дворе. К тому времени он уже обливался потом. Боже, и зачем было лезть к этому наглому нищему охотнику?

Когда Чжао Юэнян наконец довела воду до кипения и принесла ее в купальную бочку, прошло уже больше десяти минут. Чжао Дачжи так продрог, что все еще дрожал, как осиновый лист, и лишь с помощью отца смог опуститься в горячую воду.

Переохлаждение дало о себе знать — в тот же день Чжао Дачжи слег с простудой. Цай Чуньхуа, прижимая руку к груди, тоже стонала в постели. Стоило ей вспомнить о двух украденных фазанах, как сердце начинало колотить еще сильнее.

Чжао Чжунь тем временем достал из сундука серебро, полученное за брачный выкуп Линь Юя. Чжао Дачжи тяжело болел и он не знал, что делать: с одной стороны, ему было жаль тратить деньги, с другой он боялся за своего “ученого наследника”. Даже при покупке лекарств он торговался, не желая тратить лишнего на дорогие снадобья.

*

Когда Вэй Циншань и Линь Юй вернулись домой, было уже за полночь. Они несли мясо, дичь и прочие припасы, но не стали привлекать внимание соседей и обошли деревню, пройдя через заднюю горную тропу.

Первым делом Вэй Циншань вскипятил воду, чтобы умыть своего маленького супруга. Только только Линь Юй начал приходить в себя, как после этой поездки снова осунулся.

Они оба до сих пор не ели. Линь Юй, терзаемый тревогой, даже не чувствовал голода, но, боясь, что Вэй Циншань проголодается, взял себя в руки и отправился на кухню готовить обед.

Вэй Циншань предложил ему пойти отдохнуть в доме, но тот не согласился, и Вэй Циншань больше ничего не сказал. Пусть лучше будет занят, иначе, сидя без дела, начнет накручивать себя.

Оставшиеся после свадьбы блюда уже доели, поэтому Линь Юй начал раскатывать лапшу. Мясо, которое они нарезали, тоже пролежало два дня, и Линь Юй, боясь, что оно испортится, решил порезать его и приготовить.

Вэй Циншань сидел у плиты, подбрасывая дрова в огонь, и время от времени поглядывал на своего мужа.

Линь Юй сначала обжарил всю грудинку на масле, большую часть отложил, а остальное смешал с дикими травами и обжарил — так он приготовил суп-лапшу с мясом и зеленью.

Он налил Вэй Циншаню большую миску, а себе половину, и они сели во дворе ужинать.

Вэй Циншань был голоден, поэтому, взяв миску, сразу принялся есть. Линь Юй готовил очень вкусно, даже простая лапша у него выходила отменной. Когда он жарил мясо, в масло добавил сушеный перец и чеснок, и теперь на поверхности супа плавал золотистый слой масла, а зелень придавала блюду аппетитный вид.

Вэй Циншань не скупился на похвалу: “Мой маленький фулан и правда умелый! Посмотри, эта лапша ничуть не хуже той, что продают”.

Линь Юй, услышав “мой маленький фулан”, слегка смутился и его подавленное настроение немного улучшилось.

Лапша пришлась Вэй Циншаню по вкусу, он в одиночку съел две большие миски. Даже Линь Юй, который обычно ел мало, тоже съел еще немного.

Насытившись, Вэй Циншань расслабился, лениво развалившись на стуле.

“Сяо Юй, знаешь, когда мы еще не отделились от семьи, я часто возвращался с охоты поздно, а старая госпожа Вэй никогда не готовила мне горячей еды. На холодной плите меня ждали лишь остывшие кукурузные булочки и соленые овощи. Я просто запивал их горячей водой и ел эти твердые булки”.

Линь Юй поднял на него взгляд, полный сочувствия. Вэй Циншань почувствовал, как его сердце смягчилось.

“Так что ты только не бросай меня”, — продолжил он: “Я ведь совсем не умею готовить. Если тебя не будет, мне снова придется питаться холодными остатками”.

“Если Циншань не прогонит меня, я никуда не уйду”.

“Кто сказал, что я собираюсь тебя прогонять?! Ты же мой маленький фулан!”

Линь Юй улыбнулся: “Да, Линь Юй — маленький фулан Вэй Циншаня”.

Увидев внезапную улыбку своего фулана, Вэй Циншань на мгновение замер. Да, его маленький фулан улыбается лучше всех.

После ужина Вэй Циншань настоял, чтобы Линь Юй лег отдохнуть. Тот сегодня прошел слишком много, да еще и перенервничал. Сон поможет ему прийти в себя.

Вэй Циншань вымыл посуду, а оставшуюся в кастрюле лапшу отдал Дахэю и Байсюэ. Закончив с уборкой, он тоже вернулся в комнату.

На кровати Линь Юй уже крепко спал. Вэй Циншань закрыл дверь и тихо лег рядом, обняв своего мужа. Тот немного потерся о него, устраиваясь поудобнее, и Вэй Циншань с довольным вздохом прикрыл глаза.

Они уснули почти сразу. Линь Юй не знал, сколько проспал, но когда открыл глаза, в комнате уже было темно. Лунный свет пробивался сквозь окно, позволяя различить очертания предметов.

Он проснулся от жары: на нем было два одеяла, да еще и Вэй Циншань обнимал его.

Стоило ему пошевелиться, как Вэй Циншань тоже проснулся. Голос его звучал немного хрипло:

“Проснулся?”

“М-м... Который сейчас час?”

“Должно быть, около полуночи. Еще рано, спи дальше”.

С этими словами Вэй Циншань привычно обнял его за талию.

Лицо Линь Юя мгновенно залилось краской. Он тихо пробормотал: “Я хочу пить”.

Вэй Циншань сел и набросил на себя одежду:

“Ночью холодно, я принесу тебе воды”.

При свете луны он вышел на кухню. Там стояла жаровня и он специально оставил на ней чайник, чтобы, если Линь Юй вдруг проснется ночью с жаждой, у него была теплая вода.

Вода в чайнике еще была теплой. Вэй Циншань налил ее в чашу и поднес к губам Линь Юя: “Пей, не горячо”.

Линь Юй не стал отказываться, лишь слегка склонил голову и сделал несколько глотков. Затем он снова лег, а Вэй Циншань, допив остатки воды, последовал его примеру.

Пока он был в полусонном состоянии, то осмелился обнять Линь Юя за талию, но теперь, когда тот бодрствовал, он уже не решался. Оба лежали ровно, не касаясь друг друга.

Линь Юй заметил, что Вэй Циншань больше его не обнимает, и понемногу подвинулся ближе. Осторожно прижался к его руке и, увидев, что тот не отстранился, набрался смелости и сам положил его руку себе на талию.

Вэй Циншань тут же повернулся к нему и крепко обнял. Он был невероятно доволен. Ну вот как его маленький фулан так умудряется? Боится ссориться, Дахэй способен довести его до слёз, но при этом в первую брачную ночь смело обнимал его за шею, а теперь сам попросился в его объятия.

Вэй Циншань, обнимая своего маленького мужа, закрыл глаза. Линь Юй тихо сказал: “Циншань, немного жарко”.

Вэй Циншань тоже чувствовал жар. Он просто боялся, что его маленькому мужу будет холодно, поэтому накрыл его двумя одеялами. Но раз он спит у него в объятиях, то точно не замерзнет.

“Тогда я уберу верхнее”.

Он сел, убрал легкое весеннее одеяло и, чтобы в постель не проник холодный воздух, аккуратно пригладил оставшееся.

Когда все было готово, Вэй Циншань снова лег. Линь Юй тут же подвинулся ближе и Вэй Циншань с удивлением почувствовал, как к его руке прижалась гладкая кожа. Он вдруг понял, что его маленький фулан уже успел снять нижнюю рубаху.

Линь Юй о многом задумался. Они женаты уже три-четыре дня, но между ними так и не произошло ничего подобного. Он хотел сделать Вэй Циншаню приятно.

Вэй Циншань протянул руку, легко обнял его и провел ладонью по спине.

“Рана еще болит?”

“Н-нет, не болит...” — Линь Юй вздрогнул от прикосновения и голос его предательски задрожал.

Вэй Циншань уже не мог сдерживаться. Он перевернулся и прижал Линь Юя к кровати, охваченный возбуждением.

Старая кровать заскрипела и в тот самый момент, когда оставалось совсем чуть-чуть, с грохотом рухнула.

Вэй Циншань среагировал мгновенно: перевернулся так, что Линь Юй не упал.

Он лежал на обвалившемся краю кровати и досадливо думал: почему до свадьбы не догадался заказать нормальную кровать у столяра?!

До женитьбы он жил один, без особых удобств. Его кровать была сделана из двух старых дверных досок, подпертых кирпичами, а сверху был настелен слой соломы и постельное белье. Он слишком резко двинулся и кирпичи под досками не выдержали. К тому же он еще и напугал своего маленького мужа.

Линь Юй, лежа у него на груди, несколько секунд не мог осознать, что произошло, а потом вдруг рассмеялся.

<http://bllate.org/book/15725/1407292>